

Н.Г. Шарапенкова, И.В. Сухоцкая
Петрозаводский государственный университет

ПОЭТИКА ЖАНРА РОМАНА С. ДАГЕРМАНА «ОСТРОВ ОБРЕЧЕННЫХ»

Цель исследования заключается в определении особенностей жанра романа С. Дагермана «Остров обреченных», представляющего собой сложный и многогранный текст. Научная новизна работы связана с неизученностью данного текста отечественными учеными и недостаточным вниманием к роману со стороны шведских исследователей. «Остров обреченных» ранее не был проанализирован в контексте синкретичности различных субжанров и как отражающий мировоззрение писателя. Нами были получены результаты, подтверждающие гипотезу о сложности «Острова обреченных», текста, сочетающего в себе субжанры робинзонады/антиробинзонады, философского, политического и символистского романов.

С. Дагерман, «Остров обреченных», поэтика жанра, роман, шведская литература.

Роман Стига Дагермана «Остров обреченных» был опубликован в 1946 году. Время создания этого текста соответствует периоду шведского модернизма. Более того, исследователи называют литературу фюртиотализма, к которой и принадлежал Стиг Дагерман, «вершиной» [5, с. 30], главным этапом модернизма. Это время поиска новых способов выражения для описания сменившейся эпохи и нового героя. Лу Дагерман, дочь писателя, характеризует роман как «провокационную экспериментальную прозу» [3].

В центре «Острова обреченных» находятся семь человек, оказавшихся на необитаемом острове в результате катастрофы. В жизни каждого из героев произошёл травмирующий опыт, который может быть охарактеризован одним из экзистенциалов: Вина, Паралич, Голод, Горе, Послушание, Страсть и Одиночество. Данные категории становятся своего рода трагическими изъянами, «ошибками» [2] персонажей. Объединённые вопросами выживания, но замкнувшиеся в круге болезненных воспоминаний герои один за другим встречают свою смерть.

Внешний пласт романа и его экспозиция позволяют отнести этот роман к субжанру *робинзонады*. Перед читателем предстает группа людей, потерпевших кораблекрушение. Они разводят на острове огонь, способный привлечь проплывающий мимо корабль, и распределяют провизию, заботятся о раненом и страдающем товарище. Недружелюбная атмосфера экзотического места, населенного ящерицами и птицами, окружает семерых выживших героев романа С. Дагермана. Обратимся к словарю литературоведческих терминов, в котором «робинзонада» определяется как «повествовательное литературное произведение (обычно роман), изображающее жизнь одного человека или группы людей, изолированных от общества. Чаще всего действие разворачивается на необитаемом острове, и главным конфликтом его является борьба героя с природой» [8, с. 326]. Герои романа, оказавшись волею судеб на острове, тем самым изолированы от общества людей. Действие происходит на необитаемом

острове, на котором действуют различные природные силы, в том числе и представляющие опасность для жизни человека. К ним относятся обитающая в лагуне рыба, наделенная опасными шипами, и многочисленные отвесные скалы, с которых можно сорваться. Вместе с тем, стоит отметить, что борьба героев с природой не становится главным конфликтом романа. Внутренние переживания семи потерпевших кораблекрушение, травмы из прошлого и настоящего становятся важнее внешних препятствий и опасностей. Более того, ни рыба, ни скалы острова, о которых речь шла выше, не проявляют прямой агрессии к героям. Да, скала стала способом гибели одной из героинь, мадам, не сумевшей справиться с Горем, которое стало ее трагическим изъяном. При этом нельзя сказать, что смерть женщины стала результатом конфликта с природной силой, скалой или ящерицей, убитой мадам, поскольку «...ее тело уже смирилось с предстоящим падением» [14, с. 250].

Для характеристики жанровых особенностей романа «Повелитель мух» У. Голдинга исследователи его творчества используют термин *антиробинзонада*. Приведем наблюдения Н.С. Шалимовой: «Одним из жанровых определений романа является “антиробинзонада”, по противопоставлению с “классической” робинзонадой Р.М. Баллантайна <...> “Робинзонада” детей заканчивается результатом, противоположным приключениям Робинзона на необитаемом острове. У. Голдинг спорит как с просветительской, так и с романтической “робинзонадой» [10, с. 81]. Иными словами, *антиробинзонадой* становится текст, так или иначе полемизирующий с каноном субжанра робинзонады, в том числе с благополучным исходом жизни героя, к примеру Робинзона Крузо Д. Дефо, в честь которого, как известно, и назван жанр. Финал «Острова обреченных» сильно отличается от традиционного в жанре робинзонады – предложение длиной более чем в половину страницы оканчивается словом *fini*, означающее «кончено» во французском языке. И действительно, моментом ранее был окончен путь

последнего выжившего, Луки, выбравшего гибель от шипов спящей на дне лагуны рыбы: *Он медленно заходит в воду и чувствует, как мягкая прохлада ползет вверх по ступням, погребает под собой циклолотки, медленно поднимается, подобно прохладному, милосердному ветру, вверх по икрам, и вот коленные чашечки уже парят на поверхности воды и уходят под нее, вода вылизывает его бедра нежным напряженным языком – нежным напряженным языком смерти* [14, с. 310].

Более того, российский журналист В. Шлык в рецензии для портала «Горкий» пишет: «Мы привыкли называть всякое пребывание человека на клочке суши в океане робинзоной, но шведский писатель Стиг Дагерман в романе «Остров обреченных» создает настоящую антиробинзонаду, чтобы показать, почему катастрофа – это самый честный способ узнать тайну истинных отношений человека с окружающей его вселенной» [11]. В. Шлык указывает на глубокий психологизм и сложную структуру романа, отличающие текст от привычного субжанра робинзонады.

Таким образом, сюжетные коллизии «Острова обреченных» позволяют отнести роман к субжанру робинзонады. Этому способствует положение героев, потерпевших кораблекрушение и оказавшихся на необитаемом острове посреди океана. С другой стороны, финал «Острова обреченных» и предельная концентрация героев на внутренних переживаниях отличают текст от остальных представителей субжанра робинзонады (к примеру, «Острова Фельзенбург» И. Шнабеля и «Таинственного острова» Ж. Верна).

На творческую судьбу Стига Дагермана повлияла его яркая политическая позиция. Вся жизнь остававшийся приверженцем анархо-синдикализма и противником иерархической структуры власти, писатель не мог не транслировать свои идеологические предпочтения. *То, что позже стало «Островом обреченных», похоже, изначально планировалось как политический роман идей*¹ [16, с. 63]. Однако в процессе написания романа, особенно в порыве вдохновения последней части «Острова обреченных», Стиг Дагерман расширил первоначальную идею, создав текст, имеющий политический пласт, но не ограниченный и определяемый только им. Какие же факторы позволяют рассматривать текст в рамках жанра *политического романа*?

Происходившие в мире трагические события волновали Стига Дагермана не только как журналиста, но и как активного участника политического движения. Анархо-синдикализм, не совместимый с иерархической системой власти, был, по мнению писателя, оптимальным вариантом для дальнейшего мироустройства. Согласно мировоззрению писателя и других представителей анархо-синдикализма, различные формы государственной власти оказывали негативное влияние на рабочих людей. Многие исследователи отмечают, что подобное видение Стиг Дагерман транслировал и в «Острове обреченных». В целом, существует мнение, что *...шведские исследования творчества С. Дагермана, за некоторыми исключениями, могут быть отнесены только к одному из*

*двух направлений: биографическому или политическому*² [12, с. 168].

Один из героев романа, капитан артиллерии Отто У. Уилсон, является военным, служащим той самой иерархической системе, которая не соответствовала убеждениям Стига Дагермана. Именно этот герой предлагает изобразить на белой скале льва и вспоминает, что у него на сапоге расположено изображение этого животного, сидящего на мертвом человеке. Лука, транслирующий в тексте мысли писателя (своего рода, alter-Ego писателя), считает Уилсона *...истинным врагом его самого и всех остальных* [14, с. 228], подразумевая под этим принадлежность героя-военного структурам, против которых выступал Стиг Дагерман. Капитан погибает предпоследним, проиграв Луке право ходить первому в игре на придумывание друг другу заданий. Гибель Уилсона означает его поражение в борьбе за льва, в которой может проследиться битва за власть. С другой стороны, смерть капитана от рук Луки может быть невынужденной: *...убийство может быть самоубийством, потому что жертва добровольно позволяет этому случиться, как, например, Уилсон в «Острове обреченных», Приговоренный к смерти и Исследователь в одноименных пьесах*³ [15, с. 171]. В таком случае Уилсон осознает проблему своих взглядов и сам выбирает гибель.

Следующим героем, глубже связанным с политическим аспектом романа, становится Тим Солидер, единственный выживший член экипажа. Персонаж, обладающий большой физической силой и выносливостью, но занимавший подчиненное положение на корабле, получил среди друзей прозвище Великан. Оказавшись на острове, Тим осознает, что его положение не изменилось: его все так же просили выполнить тяжелую и неприятную работу. Герой с удивлением замечает, что он готов добровольно подчиниться остальным, осознавая некую непригодность, не позволяющую ему быть наравне со всеми пострадавшими. Именно Тим Солидер присматривает за костром на регулярной основе, в то время как остальные герои поддерживают огонь лишь по желанию, время от времени. Финалом размышления Великана становится следующее: *...однажды ты попадаешь в никому не известную страну, маленькую страну, точнее говоря – на остров, где нет ни законов, ни разницы в доходах, ни вооруженных полицейских – ничего, что раньше тебя оправдывало, а ты все равно гнешь спину с противоестественной готовностью, позволяешь угнетать себя, охваченный фатальным чувством бессилия и несправедливости...* [14, с. 74]. В данном фрагменте политический аспект романа смешивается с социальной проблематикой, что для Стига Дагермана были тесно связанными понятиями. Участники анархо-синдикалистского движения акцентировали внимание на угнетении рабочего класса, представителем которого и является Тим Солидер, выполнявший тяжелую работу всю свою жизнь.

Итак, «Остров обреченных» действительно транслирует политические взгляды Стига Дагермана, его от-

¹ Перевод И. Сухоцкой.

² Перевод И. Сухоцкой.

³ Перевод И. Сухоцкой.

ношение к власти, государству и иерархическим структурам. Однако роман не ограничивается и не определяется лишь анархо-синдикалистскими взглядами писателя, хоть об исходной идее текста и говорит изначально запланированное название – «Битва за льва». Однако вместе со сменой заглавия на «Остров обреченных» появляется и дополнительный фокус, включающий в себя как экзистенциальную обреченность потерпевших кораблекрушение, так и символическую важность острова для сюжетного развития текста.

Упомянутый выше экзистенциальный пласт «Острова обреченных» указывает на возможность отнести текст к *философскому роману*. Одним из главных факторов, определяющих данный вид романа, становится влияние некоей философской идеи, лежащей в основе текста: «...природа философского романа должна зависеть от природы философии, которая участвует в его создании» [1, с. 43]. О влиянии французских экзистенциалистов на Стига Дагермана упоминается неоднократно. Так, Лу Дагерман в интервью, посвященном выходу русского перевода «Острова обреченных», перечисляет источники вдохновения для поколения писателей-фюртиоталистов, к которому принадлежал Стиг Дагерман: «Молодые шведские писатели жадно искали новые ориентиры. Они поглощали книги Кафки, Гессе и Рильке, погружались во французский экзистенциализм, и восхищались американскими писателями, в частности, Уильямом Фолкнером. Разумеется, их кумиром был и Джеймс Джойс, его способ работы с внутренним монологом и потоком сознания» [3]. Таким образом, писатель был хорошо знаком с творчеством Г. Марселя, Ж.-П. Сартра и А. Камю, знаковых представителей французского экзистенциализма.

Юхан Куллберг, шведский литературовед, указывает на наличие в романе многоуровневой системы, которая подтверждает сложность «Острова обреченных». Исследователь выделяет «моральный, психологический и философский» [13, с. 128] уровни текста и находит возможным влияние творчества французских экзистенциалистов на выбор окончания романа. Герои, оказавшиеся на необитаемом острове, попадают в «пограничную ситуацию» [9, с. 430] и освобождаются от окружающих их законов и норм. Потерпевшие кораблекрушение встают лицом к лицу со своими страхами и травмами, пытаются выжить не только во внешнем, но и во внутреннем мире воспоминаний, грез и кошмаров. Пять героев погибают добровольно, капитана Уилсона, проигравшего Луке, убивает находящаяся на дне лагуны и обладающая смертоносными шипами рыба. В финале «Острова обреченных», о котором уже говорилось выше, – последнем предложении, состоящем из ста восьмидесяти четырех слов, – неоднократно повторяется понятие «существование» и его производные. Именно в этот момент Лука, последний оставшийся в живых, прекращает свое существование, поплыв навстречу обитающей в лагуне рыбе, уже лишившей жизни капитана. Более того, последним словом романа становится французское «fini», означающее «кончено». Подобное обращение к неродному для Стига Дагермана языку можно рассматривать в качестве дани уважения французским экзистенциалистам, повлиявшим на роман.

Кроме этого в рамках явления эскейпизма, анализируемого Н.А. Пресс, философская смерть Луки, олицетворяющего голос автора, в финале романа, по словам исследовательницы и переводчицы романа, «трактуются шведскими литературоведами как манифестация идеи Дагермана о значении правильного поступка в жизни человека, о верности самому себе <...> олицетворяя собой вершину экзистенциального этапа эскейпизма» [7, с. 103].

Иными словами, исследователи относят писателя к представителям экзистенциализма, что подтверждает обоснованность отнесения «Острова обреченных» к категории философских романов. Герои, в результате катастрофы оказавшиеся на необитаемом острове, отделены от законов, правил и социальной системы общества. Они сталкиваются сами с собой, своим существованием, трагическим изъяном и погибают, не выдерживая этой борьбы. Д.В. Кобленкова называет Стига Дагермана «выдающимся шведским экзистенциалистом» [5, с. 68] и указывает на большую роль писателя в формировании следующих творческих поколений писателей Швеции. Исследовательница подчеркивает мастерство писателя, создавшего текст, гармонично наполненный философским содержанием.

Н.А. Пресс, развивая мнение Эрланда Лагеррота, относит «Остров обреченных» к *символистскому роману*. В подобном романе ключевым аспектом становится «некий символ, приобретающий глобальный для произведения смысл» [6, с. 173]. В числе примеров символистских романов исследователи называют «Моби Дика» Г. Мелвилла, «Сердце тьмы» Дж. Конрада, «Замок» Ф. Кафки и «Игру в бисер» Г. Гессе. По мнению Н.А. Пресс, важнейшим символом романа становится остров, и исследовательница подтверждает свой тезис цитатой из статьи самого Стига Дагермана: «Остров – символ, конечно, если под символом понимать результат вынужденного уменьшения, которому приходится подвергнуть людские страдания, для того чтобы их вообще можно было пронаблюдать, понять, сразиться с ними на уровне возможного» (Там же, с. 177).

Лу Дагерман, характеризуя «Остров обреченных», отметила: «В нем есть четкая структура, но при этом – ощущение потока сознания» [3]. В этом точном определении сочетаются две очень важные характеристики романа: структурированность, состоящая в разделении на части и главы, имеющие определенную тему и подчиненные общей системе, и свобода текста, позволяющая трактовать образы в иногда противоположных направлениях, что подчеркивает сложность и многогранность романа.

Литература

1. Авраменко, В. И. Жанр философского романа в современном литературоведении / В. И. Авраменко // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання : матэрыялы V Рэсп. навук.-практ. канф. маладых вучоных. – Мінск, 2019. – С. 41–44.
2. Аристотель. Поэтика / Аристотель. – Москва : Азбука–классика, 2008. – 352 с.
3. Выступление Лу Дагерман, дочери писателя // Издательство Ивана Лимбаха : [сайт]. – Санкт-Петербург, 2022. – URL: <https://www.limbakh.ru/index.php?id=8294> (дата обращения: 02.04.2022).–Текст : электронный.

4. Дагерман, С. Остров обреченных / С. Дагерман ; перевод со шведского Н. Пресс. – Санкт–Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – 464 с.
5. Кобленкова, Д. В. Шведский нереалистический роман второй половины XX – начала XXI века / Д. В. Кобленкова ; ответственный редактор Т. А. Тоштендаль-Салычева. – Москва : РГГУ, 2016. – 447 с.
6. Пресс, Н. А. Роль символа в раннем творчестве Стига Дагермана / Н. А. Пресс // Скандинавская филология. – 2006. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-simvola-v-rannem-tvorchestve-stiga-dagermana> (дата обращения: 26.10.2021). – Текст : электронный.
7. Пресс, Н. А. Тема самоубийства в творчестве Стига Дагермана / Н. А. Пресс // XVI Конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии : материалы конференции (Архангельск, 9–12 сентября 2008 г.) / Институт всеобщей истории РАН, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2008. – Ч. II. – С. 102–103.
8. Словарь литературоведческих терминов / редактор-составитель Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – Москва : Просвещение, 1974. – 513 с.
9. Философский словарь / под редакцией И. Т. Фролова. – Москва : Республика, 2001. – 719 с.
10. Шалимова, Н. С. Жанровая динамика англоязычного романа воспитания второй половины XX века : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (литература стран Западной Европы и Америки XX века)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шалимова Надежда Сергеевна ; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2018. – 171 с.
11. Шлыков, В. Семеро против бытия / В. Шлыков // Горький : [сайт]. – Валерий Шлыков – о романе Стига Дагермана «Остров обреченных». – URL: <https://gorky.media/reviews/semero-protiv-bytiya/> (дата обращения: 19.01.2022). – Текст: электронный.
12. Ahlund, C. Georges Périlleux: Stig Dagerman. Le mythe et l'oeuvre / C. Ahlund // Samlaren. – 1994. – № 115. – С. 168–171.
13. Cullberg, J. Skaparkriser: Strindbergs Inferno och Dagermans / J. Cullberg. – Stockholm : Natur och Kultur, 1997. – 198 с.
14. Dagerman, S. De dömdas ö / S. Dagerman. – Stockholm:PA Norstedt & Söner, 1946. – 312 с.
15. Laitinen, K. Begärets irrvägar: existentiell tematik i Stig Dagermans texter / K. Laitinen. – Umeå : Umeå universitet, 1986. – 306 с.
16. Samberg, H. De dömdas ö – en politisk idéroman / H. Samberg // Samlaren. – 1972. – № 93. – С. 62–90.

N.G. Sharapenkova, I.V. Sukhotskaya

**GENRE POETICS OF THE NOVEL BY S. DAGERMANS
*ISLAND OF THE DOOMED***

The objective of the study is to determine the genre features of the novel by S. Dagerman *Island of the Doomed* which is a complex and multifaceted text. The novelty of the study is connected with the lack of the studies of the novel by domestic scientists and insufficient attention to the novel by Swedish researchers. *Island of the Doomed* has not been previously studied in the context of syncretism of various subgenres, reflecting the writer's worldview among other things. The study proves the complexity of *Island of the Doomed*, the text that combines such subgenres as Robinsonade/anti-Robinsonade, philosophical, political and symbolist novel.

S. Dagerman, *Island of the Doomed*, genre poetics, novel, Swedish literature.